

Несчастный случай произошел в тот год, когда мне было десять лет. Насколько я помню, тогда тоже было лето.

В тот день после школы я шел домой по своему обычному маршруту, по уединенной тропинке, когда неподалеку раздался слабый, но настойчивый скулеж. Я всюду искал источник и, в конце концов, обнаружил, что это была крохотная птичка, лежащая в кустах. Она была меньше моей ладони, ее перья еще не полностью выросли.

Я оглядел деревья над головой, пока мой взгляд не упал на хорошо спрятанное гнездо на ветке прямо над тем местом, где лежала маленькая лысая птичка. Должно быть, она выпала. К счастью, грязь была мягкой, и с дополнительной защитой мягкой травы птичке удалось выжить.

Защита животных была обязанностью каждого человека: мы учились этому с начальной школы до университета, и даже в десять лет это уже глубоко укоренилось во мне. Мне и в голову не пришло позвать на помощь взрослого — меня ослепила уверенность. Я бросил свой школьный рюкзак на землю, поднял плачущую птицу и полез на дерево.

В конце концов, я провел много дней, играя на острове с Сунь Жуй, покорял вместе с ней горы, влипая в неприятности. И в процессе всех авантур я приобрел всевозможные навыки. Высота дерева не имела для меня никакого значения, и, хотя это потребовало некоторых усилий, в конце концов я добрался до гнезда и осторожно положил птицу обратно в гнездо.

Как раз в тот момент, когда с чувством собственного удовлетворения я начал спускаться вниз, это случилось.

Моя нога соскользнула, я потерял равновесие и упал, ударившись затылком о землю. Я потерял сознание в ту же секунду, как только достиг земли.

Я очнулся в больнице, возле моей кровати сидела моя мама.

Заметив, что я очнулся, она радостно оживилась и осыпала меня объятиями и поцелуями, все время восхваляя небеса, а затем отчитала меня за то, что я лазил по деревьям.

Я как раз собирался объяснить, что случилось, но мое внимание привлекла надпись. Над ее головой висела в воздухе белая цифра — 86.

— Мам, эта штука у тебя над головой... — я указал на ее макушку. Мой разум все еще был затуманен после недавнего сна.

Пока я говорил, белое число стало серым, а значение упало на пять единиц.

— Что? — мама хлопнула себя по голове и тревожно спросила: — Неужели жук сидит?

— Нет, это цифры. Два белых числа, которые меняют цвет, — ответил я как ни в чем не бывало.

Цвет цифр стал темнее, почти черным.

Мама уставилась на меня. Она выглядела очень испуганной.

— Не двигайся, я схожу за доктором.

Она быстро выбежала из палаты. Не прошло и пяти минут, как в мою палату вошла группа врачей в белых халатах. У каждого из них был свой номер над головой, только цвет между ними различался.

Они окружили меня и сделали всевозможные анализы, послали медсестер, чтобы провести для меня компьютерную томографию, и, в конце концов, обнаружили, что со мной все в порядке. Они сказали моей матери, чтобы она внимательно следила за мной и подождала, не исчезнут ли мои галлюцинации через несколько дней.

Мама, взволнованная и встревоженная, привезла меня домой и тайком позвонила отцу:

— Мян-Мян упал с дерева и ударился головой. Мне кажется, что с ним что-то не так. Ты можешь вернуться, проведать его?

— Да, его проверяли. Врачи ничего не нашли, но... слушай, он говорит, что у меня над головой плавают какие-то цифры!

Мой отец всегда был занятым человеком. Он ответил в разгар рабочего дня только для того, чтобы повесить трубку. Я был его родным сыном, но все же не так важен для него, как его работа.

Несколько раз позвав отца по телефону, мама поняла, что звонок оборвали. Годы накопленного гнева и разочарования побудили ее в раздражении бросить телефон.

Пока она стояла, закрыв лицо руками, цифры над ее головой стали красными, потом синими, туда-сюда. Значение упало с 70-ти единиц до 50-ти.

Именно тогда у меня появилось чувство, что брак моих родителей не продлится долго.

Дети умны; используя единственные подсказки, которые у меня были, я быстро выяснил правила чисел. В течение недели я записывал то, что видел, а затем сравнивал это с цветами и числами, в которых, казалось, не было никакой закономерности. Через неделю, когда мама привезла меня в больницу на повторное обследование, я достал блокнот и рассказал доктору о своих находках.

— Счастье — это белое. Как правило, состояние большинства людей белое, если только не происходит что-то значимое для них. Черный — это страх, как и оттенки серого. Красный — это гнев, синий — печаль... ну... я на самом деле я еще не все понял.

Доктор с удивлением посмотрел мою записную книжку.

— Кроме цифр ты видишь что-нибудь еще? Что-нибудь, что ты не мог видеть раньше?..

— Нет, — я отрицательно покачал головой.

Он задал мне несметное количество вопросов, заполняя мою личную карту пациента. Комната наполнилась шелестом пера, скользящего по бумаге.

— Доктор, что происходит с моим сыном? — мамы руки лежали у меня на плечах, в ее голосе звучала тревога.

Доктор перестал писать и медленно выдохнул через нос. Казалось, он подыскивал нужные слова.

— Возможно, когда он упал с дерева и ударился головой, это повлияло на его сенсорную систему... — доктор заметил, что лицо мамы напряглось, и поспешно продолжил: — Вам не стоит слишком беспокоиться. Последствия не обязательно означают, что его жизнь в опасности. Я рекомендую изучить синестезию — за границей было много подобных диагнозов.

Говоря это, он написал на бумаге слово «синестезия» крупным и четким почерком.

Он продолжал объяснять нам, что синестезия — это состояние, при котором информация, предназначенная для стимуляции одного чувства, стимулирует также множество других. Некоторые люди с этим заболеванием слышали звуки в цвете; у некоторых слух и вкус сочетались так, что, в конце концов, они пробовали слова на вкус.

Мой случай оказался особенным, учитывая, что моя способность чувствовать, казалось, слилась с моим зрением, и в результате я мог «видеть» чувства людей.

В общем, это не было каким-то благословением, ниспосланным с небес, у меня не было сверхспособностей, и я не был сверхъестественным. Я просто повредил свой мозг.

В первые два года я, как и мама, не могли поверить в научное объяснение доктора. Я был уверен, что заболел редкой неизлечимой болезнью. Но постепенно, по мере того как шло время, я стал понимать больше о числах и цветах.

Например, несмотря на то, что мои родители пытались вести себя так, будто они все еще

влюблены друг в друга, я мог сказать по постоянно низким показателям их настроений, что между ними было много ненависти и их супружеские дни не продлятся долго.

Моя синестезия также сделала меня причастным к тайным отношениям, которые расцвели между моими одноклассниками. Я знал, кто в кого втайне влюблен, но мне было все равно.

Иногда мне казалось, что моя способность сопереживать превосходит то, что я вижу на поверхности, как будто я могу чувствовать то, что люди действительно чувствуют внутри. Я попытался разобраться во всем этом, но не успел вдаваться в подробности, как брак моих родителей рухнул окончательно. Мама развелась, увезла меня, и я больше никогда не видел ни отца, ни его семьи.

После этого в моей жизни наступил период бунтарства. Я был эксцентричным и непривлекательным, и, что хуже всего, когда я достиг полового созревания, я обнаружил, что мне нравятся мужчины.

Именно по этой причине выяснения, была ли моя синестезия сверхспособностью или неврологическим расстройством, пришлось остановить. К тому времени, когда я перестал бунтовать и смирился с тем, что я гей, произошло много событий, и мне уже было не важно, в чем на самом деле заключалась моя особенность.

Внезапно все погрузилось во тьму. Всего несколько секунд назад вентилятор все еще вращался из стороны в сторону. Теперь все электронные устройства в доме застыли в мертвой тишине.

Я отложил мангу, пошарил в темноте, чтобы встать, взял телефон, включил фонарик и осторожно спустился по лестнице.

— Дедушка, что с электричеством? Неужели кабель закоротил?

Дом был старый, построенный во времена молодости моего деда, почти полвека назад. Износ электрических кабелей был неизбежен, и теперь всякий раз, когда подключалось слишком много электроники, выключатель закатывал истерику и отключался.

Дедушка смотрел телевизор на втором этаже, но теперь я увидел, что он нашел фонарик и нащупывал место с электрической коробкой.

— Дай-ка посмотреть, — сказал он. Открыл дверцу ящика и толкнул вверх главный выключатель.

Ничего не произошло.

Он попробовал еще два раза, а потом повернулся и с сожалением сообщил:

— Я думаю, что провод от предохранителя сгорел.

— И что нам делать? Это можно починить?

Дедушка, кажется, меня не услышал. Он подошел к ящику, некоторое время копаясь в его содержимом, недовольно цыкая.

— У нас нет запасных, — он махнул фонариком; перед глазами вспыхнул яркий белый свет. Направив свет на дверь, он произнес:

— Мян-Мян, сходи к соседям и спроси, нет ли у них запасных проводов. И побыстрее, «Революция любви» вот-вот начнется, не хочу пропустить.

Помимо продажи чайных яиц, дедушкино хобби — просмотр телепередач. Он был склонен впитывать их одну за другой до середины ночи. Это делало его похожим на одержимого электроникой подростка больше, чем меня.

— Тогда будь осторожен, я сейчас вернусь, — не знаю, услышал он меня или нет, но, тем не менее, я ушел, направляясь к соседнему дому.

Дорожка перед домом была как всегда тихая, тускло освещенная уличными фонарями. Соседи справа жили с нами уже полжизни, но, к сожалению, их окна оказались закрыты, а свет выключен. Становилось ясно, что дома никого нет.

У меня не было другого выбора, кроме как повернуться к дому наших новых соседей слева.

Проходя мимо колокольчика перед дверью, я поднял глаза. С конусообразного стеклянного колокольчика свисал листок бумаги шириной в два пальца. Иероглифы, написанные на бумаге, парили на ветру: после свежего дождя наступают осенние сумерки*.

П.п.: Это сокращенная версия первой строки стихотворения «Осенние сумерки в горах», поэта династии Тан, Ван Вэя. Дан общий перевод строки.

Быстро оглядевшись, я позвонил в дверь.

Сразу же раздался звук шагов, глухо приближающихся изнутри.

Аккуратные, короткие волосы. Глубокие черные глаза. Сосед открыл дверь, и вблизи его фигура показалась мне еще более завораживающей. Он выглядел подтянутым, как будто тренировался каждый день.

Вполне вероятно, что он мог бы сбить меня с ног одним ударом.

— 3-здравствуйте, я из соседнего дома, — нервно заикаюсь я. — Провод предохранителя в нашем выключателе, вероятно, сгорел. Вы... у вас случайно нет лишних проводов? Могу я одолжить?

Дверь открылась не полностью. Мужчина оперся рукой о дверной косяк и посмотрел на меня практически под углом, сверху вниз.

— Лишние провода? Дай-ка я проверю, вроде где-то лежали, — он убрал руку с дверного косяка и повернулся, чтобы войти. — Заходи, не стой снаружи.

Дверь слегка приоткрылась. После минутного колебания я вошел в дом.

Внутри, по обе стороны от входа, грудями лежали книги. Буквально все виды книг: новые, с безупречными страницами, и старые, страницы которых выпадают из переплета. Книги занимали большую часть зала. Я проследовал за ним в гостиную, где в беспорядке, по всей комнате, валялось еще больше книг, даже на лестнице я заметил целую стопку.

В гостиной работал телевизор. Маленькая девочка, одетая в красное платье в горошек, сидела на полу, сжимая в руках игровую приставку, ее взгляд был сосредоточен на гигантском экране.

Я поднял глаза. Она играла в Марио. После всех этих лет сантехник, очевидно, сохранил свою популярность. И после всех этих лет он, по-видимому, все еще пытался спасти принцессу Пич.

Маленькая девочка заметила меня, и ее большие глаза с густыми ресницами оглядели меня, почти не обращая внимания, и снова сосредоточились на игре.

Под платьем у нее виднелась только одна нога. На полу рядом с ней лежал протез ноги, явно предназначенный для прикрепления к коленному суставу.

— Ах, Шань, поторопись, я же сейчас умру!

Но тот мужчина был слишком далеко, чтобы услышать ее.

Я подошел к ней, чтобы понаблюдать за ситуацией, а затем сказал:

— Ты должна прыгнуть ей на голову, чтобы убить ее...

Девочка бросила на меня испуганный взгляд, но спокойно последовала моему совету, одержав победу.

— А ты не так плох, — пока на экране играет анимация, она находит время, чтобы сделать мне комплимент.

Она понятия не имела, что я несгибаемый фанат Марио.

— Цюцю, если ты закончила играть, приведи себя в порядок и ложись спать.

Я обернулся. Мужчина нашел нужный провод и вернулся в гостиную.

— Спасибо... — я встал и подошел к нему, протягивая руку, чтобы взять небольшой моточек.

Но он поднял провод так, чтобы я не мог дотянуться, и мои руки беспомощно схватили воздух. Я замер, глядя на него.

— Ты знаешь, как его использовать? — его голос отдавал хрипотцой, когда он так тихо говорил. Вероятно, он часто курил.

Если бы не его индекс настроения — ровный белый цвет, я бы спутал его тон с флиртом.

Я поднял руки, радуясь, что в комнате темно и что он не видит, как я краснею.

— Я не знаю, но мой дедушка знает.

Мужчина на минуту задумался, а потом обратился к девочке:

— Цюцю, пойдем. Я отведу тебя к дедушке отведать чайные яйца.

Лицо девочки засияло, и она поспешно надела протез с радостными криками:

— Да, да! Я люблю чайные яйца дедушки!

Мужчина повернулся ко мне, поднимая подбородок:

— Пойдем, я посмотрю.

Наверное, таким и должен быть настоящий зрелый мужчина. Думать о том, о чем не думаешь, делать то, на что не решаешься, и быть убедительно надежным, даже не задумываясь об этом.

Это так круто...

Мое сердце бешено колотилось. Я кивнул и ответил:

— Спасибо.

Он нес девочку и не мог держать фонарик, поэтому я шел рядом с ним, светя фонариком ему под ноги.

— Я Юй Мян. Мян — как хлопок. А вас как зовут? — я толкнул входную калитку, пропуская его вперед.

Он пронесся мимо меня, и в ночном воздухе его тенор звучал так, словно кто-то играл на одной струне виолончели с бархатистым вибрато.

— Янь Куншань.

Если бы моя синестезия сочетала слух и вкус, его голос был бы крепким вином, от которого можно было бы опьянеть.

— Янь Ваньцю, — представилась девочка из-за плеча мужчины.

После того, как свежий дождь посещает эти пустые горы, опускаются осенние сумерки*.

П.п.: Это полная первая строка стихотворения Ван Вэя «Осенние сумерки в горах». Поэт известен своей способностью вызывать яркие, спокойные образы осени и природы. Вы можете найти различные переводы в интернете и прочитать стихотворение целиком. :З

Смысл слов, висящих под колокольчиком ветра, наконец-то обрел для меня смысл*.

П.п.: Все имена семьи Янь взяты из приведенного выше стихотворения:

Янь «Куншань» - пустая, уединенная гора.

Янь «Ваньцю» - поздняя осень, сумерки/ночь.

Янь «Синьйю» - освежающий дождь.

В то время я этого не знал, но был третий член семьи Янь, который был назван в честь того же стихотворения — Синьйю. Янь Синьйю. Она была старшей сестрой Янь Куншаня, матерью Ян Ваньцю. Ян Куншань был не отцом-одиночкой, а дядей этой девочки.

<http://bllate.org/book/12676/1122946>